

ХУДОЖНИК

Польза сомнений

О том, как сидел на губе, о хрупких девушках и проблемах в искусстве рассказал известный столичный живописец Александр Суша

Марина ГОНЧАРУК,
фото из архива Александра Суши

За его плечами персональные выставки по всей Беларуси, в Москве, Праге, Варшаве, Брно, Сопоте, Берлине, Брюсселе, Вене и других городах. Картины представлены в Национальном художественном музее Беларуси, Музее современного изобразительного искусства, составляют гордость многих частных коллекционеров.

— В начале года вы с группой художников вошли в число лауреатов специальной премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение». Это очень престижная награда.

— Премию мы получили за мозаичную роспись часовни мемориала, посвященного жертвам Первой мировой войны. Мозаика — дело трудоемкое, а тут еще и срок выполнения заказа был очень ограничен. Нас было четверо. Техническое исполнение тоже наше, самим нужно было и смальту колоть чуть ли не голыми руками, и мозаику монтировать. В общем, пришлось попотеть. Приятно, что работу оценили.

— Александр Суша — верующий человек?

— Без Бога трудно жить, без благословения трудно работать. Перед началом сложной работы иду в церковь, ставлю свечку. Живу с Богом в душе.

— Знаю о вашем участии в оформлении Национальной библиотеки.

— Левкас называется «Кирмаш». Коллеги говорят, что работа удалась, хотя свой брат художник редко хвалит другого.

— В союзе художников вы возглавляете секцию монументальной живописи. Нелегко, наверно, совмещать общественную работу с творчеством?

— Я еще молодой председатель (смеется), всего полтора года как выбрали. Конечно, стараюсь что-то поменять в лучшую сторону, кому-то помочь, мечтаю, чтобы увидел свет каталог монументальной живописи нашей страны. Особенно трудно общаться с чиновниками. Пока не получается найти общий язык. В нашем мире есть свои подводные камни, и похвастаться на сегодняшний день нечем, будем пробиваться.

— Путешествуете по историческим местам Беларуси — пленэры, этюды, зарисовки. Но ведь художник рисует не то, что видит, а то, что чувствует, это правда?

— Конечно, художник не фотограф, все должен пропустить через собственное сердце. Даже мотив пейзажа каждый выбирает свой —

тот, что на душу ложится. Потом в мастерской пишу картины по этюдам. Порой идешь домой после работы, так хорошо на сердце, что-то удалось. Вот, думаю, поймал. А утром пришел, посмотрел — нето. Так и живу в сомнениях. Когда перестану сомневаться, наверно, перестану быть художником.

— Есть ли самая любимая работа? О чем ваши полотна?

— Любимой работы нет, но есть этапные картины, например посвященные Чернобылю. Это для меня важно. А вообще, все, так или иначе, идет из детства. Наверное, я всю жизнь и рисую детство. «Вёску», в которой родился и вырос. Сестер и маму. Они очень хотели, чтобы я стал художником, так меня понимали и всегда поддерживали. Когда мама заболела, я учился в художественном институте. Нужно было ехать и помогать семье и сестрам, но семейный совет категорически решил: учебу надо закончить не-

Мои картины в каком-то смысле дань людям из моего детства, «аднавяскоўцам». В общем, все мы родом из детства.

смотря ни на что. Мои картины в каком-то смысле дань людям из моего детства, «аднавяскоўцам». Признание в любви, что ли. В общем, все мы родом из детства.

— Есть у вас серия живописных работ с прекрасными образами девушек. Они у вас такие хрупкие, хочется их защищать и оберегать...

— Девушки потому, что у меня дочка, а не сын. Да и рос я с тремя сестрами.

— С высоты опыта состоявшегося художника скажите, нужно ли живописцу специальное образование?

— Я учился в театрально-художественном институте, сейчас это Академия искусств. Преподавание построено было так, чтобы начинающий художник прежде всего получил хорошую академическую школу рисунка, живописи, компо-

зиции. И научился мыслить современно. Это необходимо.

— Любимый преподаватель, чье мнение для вас значимо и важно...

— Гаврила Харитонович Ващенко. Для нас, молодых художников, это был признанный авторитет. Он мало говорил, но, как сейчас понимаю, много дал в плане профессии. И как-то у него получалось все тактично и ненавязчиво. Он человек уже преклонного возраста, но до сих пор, случись у меня профессиональные вопросы и сомнения, я бы пошел за советом к нему.

— Была еще служба в армии. Как там пришлось художнику-живописцу?

— В армии художники нарахват, оформление части, стенгазеты, стенды и все такое. Вояка из меня, честно сказать, никакой. Как-то раз на пять суток угодил на гу-

► Персональная выставка художника под названием «Яблочный Спас» проходит в эти дни в Музее современного изобразительного искусства.

бу. Но и одного дня не сидел: нужно было оформлять часть.

— Вы окончили аспирантуру у самого Савицкого, что помните о нем?

— В аспирантуру к нему я попал после армии, он в буквальном смысле восстановил меня как живописца. Армия, знаете, не способствует росту творческого потенциала, там я два года писал лозунги и перерисовывал известные плакаты. Ну и как-то заржавел, что ли. А попав в аспирантуру к Савицкому, вспомнил многое из того, чему учился в институте. И приумножил. Михаил Андреевич был человеком чутким и интеллигентным, но умел стать жестким и категоричным. Отлично понимал, где нужно прижать нас, а где проявить снисходительность. И потом хорошие мастерские, стипендия, творческая атмосфера — только твори.

— Есть ли проблемы с искусством в нашей стране и в чем они заключаются?

— Проблемы, конечно, есть. Отсутствует арт-рынок, не сформирован институт меценатства. Наша страна достаточно закрытая в искусстве, притом что есть крепкая академическая школа, много самобытного, редкого и, мне кажется, часто недооцененного. Монументальная живопись должна быть в одной связке с современной архитектурой. Особенно на уровне проекта, ведь как можно украсить монументальной профессиональной живописью, мозаичным панно или витражом интерьер, в состоянии почувствовать только художник. Архитекторы обходят нас, монументалистов, вниманием, а зря.

— Если бы предложили миллион долларов за отказ от творчества, смогли бы не писать?

— Если бы предложили, пообещал бы (смеется). А сам потихоньку все равно бы писал. Спросите меня об этом лет так через 10, кто знает, может, устану и тогда заброшу краски и холсты, а кисти сломаю. А пока не готов, еще хочется что-то сделать, и кажется, что главное впереди.

— Что бы посоветовали молодому человеку, выбравшему профессию художника?

— Прежде всего хорошо поразмыслить, твое ли это дело. И второе: поменьше думать о деньгах, это второстепенно.

► Так и живу в сомнениях. Когда перестану сомневаться, наверно, перестану быть художником.